8Р1
Р 89

Русская литература и фольклор

Первая половина XIX века

8Р1
Р89

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

+8Ф

Русская литература и фольклор

(первая половина XIX в.)

764294 89
95
80
87
05

ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА им. Н. К. КРУПСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград · 1976

Мы не говорим уже о том, что в отдельных произведениях представителей этой школы («Певцы» Тургенева, «Плотничья артель» Писемского) сам фольклор становился предметом изучения и изображения.

Довольно разнообразные виды взаимодействия с фольклором натуральной школы продолжали бытовать и после того, как она в конце 1850-х годов распалась. Лучшие ее традиции были подхвачены и продолжены в творчестве не только писателей-демократов 1860-х годов, но и в русской литературе второй половины XIX в. в целом.

В предлагаемых ниже вниманию читателя четырех очерках рассматривается взаимоотношение с фольклором творчества В. И. Даля, Д. В. Григоровича, И. С. Тургенева и А. Ф. Писемского, ограниченное хронологическими рамками 1840—1850-х годов. Фольклоризм М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова, П. И. Мельникова-Печерского и Тургенева-романиста будет прослежен в следующем томе настоящего издания.

В. И. ДАЛЬ

Даля как писателя нельзя рассматривать без учета его фольклорно-этнографических интересов и его разносторонней собирательской деятельности. Увлечение фольклором и этнографией, сочетающееся с постоянным и неутомимым изучением народного языка, проходит через всю его жизнь и определяет направленность его художественного творчества.

В 1830—1840-х годах литературная деятельность Даля получает одобрение Пушкина и Белинского, Тургенева и Герцена. Имя Даля прочно связано с передовым направлением 1840-х годов, периодом появления в литературе физиологического очерка и становления натуральной школы. Белинский, касаясь произведений этого жанра у Даля, с полным основанием мог сказать, что «В. И. Луганский (псевдоним Даля, — *З. В.*) создал себе особенный род поэзии, в котором у него нет соперников. Этот род можно назвать „физиологическим“».[1]

Обостренное внимание к жизни и языку народа в сочетании с незаурядной природной наблюдательностью Даль проявляет во время долгих служебных поездок и путешествий по просторам огромной России. Крестьяне русских центральных губерний, севера и юга России, уральское казачество, киргизы и башкиры, население Крыма и Карпат, представители различных профессий и социальных прослоек, в настоящее время забытых, встают перед читателем со страниц его произведений. Это та разнообразная

---

[1] Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. IX. М., 1955, с. 398—399.

среда, которая питала любознательность Даля — фольклориста, лингвиста и этнографа.

Даль обогатил русскую науку и культуру монументальным собранием пословиц и поговорок, сказок, песен, поверий, лубочных картин. Почти все известные крупнейшие фольклорные собрания, составленные в первой половине XIX в., включают в себя десятки и сотни произведений, собранных Далем. В «Песнях русского народа» И. П. Сахарова значительная часть казачьих песен была сообщена Далем и поэтому не вызывает сомнений в подлинности.[2] Огромные коллекции песенного материала, собранного Далем, вошли в знаменитое собрание Киреевского и разделили его судьбу: часть лирических и казачьих песен, свадебные песни, записанные на уральских заводах, остаются неизданными полностью до настоящего времени, так как вместе с другими материалами собрания были обнаружены только в советское время.[3] Богатейшее собрание народных сказок, заключающее, по словам А. Н. Афанасьева, «более тысячи списков», было передано последнему Далем, но в публикации появилось только около 150 сказок (некоторые не были напечатаны «ради нескромности своего содержания»).[4] Афанасьевым же изданные «Русские народные легенды» (М., 1860) почти целиком состоят из записей Даля. Им же было составлено и передано в Публичную библиотеку огромное собрание лубочных картин.[5] Будучи врачом, он интересовался также и сведениями о народной медицине.[6]

Кроме монументальных собраний фольклорных материалов, Далю принадлежит ряд статей, для нашего времени уже значительно устаревших, но сохраняющих историко-познавательное значение благодаря обилию заключенного в них фактического материала.[7]

Литературно-художественные произведения В. И. Даля появляются в печати значительно раньше его фольклорных собраний. Первая повесть, «Цыганка», уже обнаруживающая этнографиче-

---

[2] По замечанию Азадовского (Азадовский М. К. История русской фольклористики, т. I. М., 1958, с. 362), Сахаров не осмелился переделывать те записи, которые были сообщены ему современниками.

[3] П. В. Киреевский в предисловии к изданию 1848 г. упоминает о собрании уральских песен, полученных от Даля (см.: Чтения в Об-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1848, № 9, с. V).

[4] См. предисловие А. Н. Афанасьева к IV выпуску 1-го издания: Народные русские сказки в 3 томах, т. 3. М., 1957, с. 394.

[5] Впоследствии оно послужило источником для известного труда: Ровинский Д. А. Русские народные картинки, т. I. СПб., 1881, с. IX—X.

[6] См.: Порудоминский В. Страницы из жизни В. И. Даля. — «Прометей», историко-биограф. альманах, V. М., 1968, с. 54—55.

[7] См.: Даль В. И. 1) Статьи из этнографии башкир. — Москвитянин, 1843, ч. I; 2) Чернословие и физиономика. СПб., 1844; 3) О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. — Иллюстрация, 1845—1846; изд. 2-е. СПб., 1880; 4) О русских пословицах. — Современник, 1847, кн. 6, отд. IV.

ские интересы автора, была опубликована в 1830 г.[8] Но повесть не привлекла внимания читателей. О Дале как писателе заговорили спустя два года, когда он издал русские сказки в своей переработке.[9]

Повесть «Цыганка» и сказки «первого пятка» показывают, что отношение Даля к фольклору было противоречивым; это объясняется как сложностью литературных течений эпохи, когда формировались взгляды писателя, так и обстоятельствами его биографии. Пятилетняя учеба в морском кадетском корпусе, служба мичманом в течение семи лет в черноморском и балтийском флоте, влияние среды и семейных традиций воспитали в нем известный консерватизм взглядов, который впоследствии, в конце 1850-х годов, сблизил его с лагерем славянофилов.

Обучение в Дерптском университете, влияние романтического направления литературы в эти годы, а затем сближение с Н. М. Языковым, В. А. Жуковским, А. С. Пушкиным, А. А. Дельвигом, И. А. Крыловым и др. содействовали выработке глубокого интереса к народной жизни, чему способствовало и участие в качестве военного врача в турецкой и польской кампаниях, когда Даль близко наблюдал жизнь народа и хорошо узнал и оценил русских солдат, беседуя с ними о их родных краях, обычаях и наречиях.

Пристальный интерес к народному языку, острая наблюдательность, знание фольклора, сочетающиеся с природным артистизмом, сделали В. И. Даля одним из интереснейших собеседников.[10] Он принимал активное участие в литературных спорах о народности, о литературном языке, о путях развития литературы. Борьба за реалистическое направление литературы велась под лозунгом народности и простонародности с разными тенденциями: со сглаженным стилем карамзинистов и псевдонародным слогом М. Н. Загоскина и М. П. Погодина, с архаизмом стиля П. А. Катенина и С. П. Шевырева и др.; споры вызывали и своеобразный орнаментальный стиль А. А. Бестужева-Марлинского, и «язык летописей и древних сказок» А. Ф. Вельтмана. Разные формы использования устнопоэтических произведений в литературе той поры, тенденция популяризации фольклорных текстов через литературу,

---

[8] Московский телеграф, 1830, ч. 36, № 21—22. Опубликованные в конце 1820-х годов стихи В. И. Даля («Славянин», 1827) не имели ни литературного, ни общественного значения.

[9] Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приноровленные и поговорками ходячими изукрашенные казаком Луганским. Пяток первый. СПб., 1832.

[10] См. у Я. К. Грота: «В молодости Даль обладал между прочим талантом забавно рассказывать с мимикою смешные анекдоты, подражая местным говорам, пересыпая рассказ поговорками, пословицами, прибаутками и т. п.» (Грот Я. К. Воспоминания о В. И. Дале. — Записки имп. Академии наук, 1873, т. XXII, с. 2).

в особенности преданий и сказок, не могли оставить равнодушным Даля, превосходно знавшего не только песни, но и устную народную прозу своего времени. Это знание послужило основой его литературного творчества в целом и существеннейшим моментом при создании первого сборника сказок. Литературная обработка сказочных сюжетов, составление небольших сборников и публикация отдельных сказок явились дальнейшим развитием традиций обработки сказочного материала, известных в XVIII в. Еще в начале XIX в. русские писатели использовали не подлинно народную сказку, а материал сборников М. Д. Чулкова и М. И. Попова.[11] Одним сказка служила материалом для романтизации сюжетов, при создании «русских поэм» в народном духе (Н. В. Елагин, А. К. Дуров, М. Н. Макаров). Другие включали изучение сказки в свою эстетическую программу (декабристы, А. И. Полежаев). Сказка в начале XIX в. использовалась и как средство пропаганды самодержавных «охранительных» начал (проявление «крепостнического» фольклоризма, по определению М. К. Азадовского).[12]

Предшественниками В. И. Даля в литературной обработке сказочных сюжетов были писатели разных литературных направлений: А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, О. М. Сомов, впоследствии сам подражавший Далю в стиле изложения сказочного сюжета. Каждый из предшественников Даля по-своему понимал роль сказочного материала в создании жанра литературной сказки. О. М. Сомов, сохраняя народность сказочной формы, почти не использовал фольклорные сюжеты, стремясь в своих сказках к реконструкции героического прошлого русской истории и старинных черт быта. Жуковский, используя сюжеты и мотивы русских и немецких сказок, стремился «облагородить» их содержание, образы и язык, исключить «грубые», «мужицкие» элементы. Пушкин постиг внутренний смысл народных сказок, национальный характер сказочных образов; он сохранил народную точку зрения, народную трактовку образов, хотя сюжеты своих сказок черпал не только из русской сказочной поэзии.

Своим особым путем в создании жанра литературной сказки шел В. И. Даль. Если в первой повести, «Цыганка», Даль выступил как сторонник романтического направления (идеализация цельных, непосредственных и чистых натур, создание экзотических картин молдавской природы и быта), то в сказках его литературная позиция оказалась иной. Появление сказок Даля связано с борьбой за новое понимание народности литературы. Установка на устный стиль русских сказок подчеркнута в самом названии: «Из предания народного изустного <...> переложенные<...>поговорками ходячими изукрашенные». Для создания

---

[11] См.: Лупанова И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск, 1959, с. 11—31.

[12] Азадовский М. К. История русской фольклористики, т. I, с. 149.

В сказок Даль использовал фольклорные сюжеты, известные в устной традиции, в литературной обработке и по лубочным сборникам, на что было указано Л. Н. Майковым.[13] Источники сказок Даля обстоятельно проанализированы. Из печатных материалов Даль заимствовал сюжеты, неоднократно зафиксированные позднее в устной традиции. Народные сказки использованы не только как основа сюжета, но и для вставных эпизодов. Так, например, сюжетом сказки о воре и бурой корове послужил бытовой анекдот; для сказки о похождениях черта-послушника использованы антицерковные рассказы, близкие по типу к анекдотам о черте, ищущем на земле жертв для соблазна. В текст сказки о Милонеге-белоручке, сюжет которой, по мнению специалистов, сочинен самим Далем, включены присказки, из них одна широко известна в устной традиции — «Двое из сумы» (писателем использован наиболее редкий фольклорный вариант).

Ориентация на слушателя с демократическими взглядами подчеркнута во вступлении к первой сказке: «Кто сказку мою слушать собирается, тот пусть на русские поговорки не прогневается, языка доморощенного не пугается; у меня сказочник в лаптях, по паркетам не шатывался».[14] В сказке «О молодом сержанте» Даль с симпатией рисует героя, простого солдата, и сатирически — царя Додона Золотой кошель и его царедворцев, награждая их насмешливыми прозвищами (например, губернатор — «Чихирь Пяташная голова»). В ходе изложения автор, где возможно, усиливает сатирический элемент: царедворцы у него «кто взят из грязи, да посажен в князи; кто и велик телом, да мал делом‹. . .›тот с виду орел, да умом тетерев; личиком беленек, да умом простенек‹. . .›а которые ‹. . .› посмышленнее, так все плуты наголо: кто кого сможет, тот того и гложет» (IX, 10).

Сборник сказок в целом отличался демократизмом, а их сатирический характер вызвал недовольство в официальных кругах. Сказка о черте была истолкована как антицерковная и безнравственная. Управляющий делами III отделения А. Н. Мордвинов сообщил Бенкендорфу, что в книжке сказок Даля «содержится насмешка над правительством, жалобы на горестное положение солдат» и пр. «Я принял смелость поднести ее его величеству, который приказал арестовать сочинителя и взять его бумаги для рассмотрения».[15] В отзыве Булгарина подчеркивался сатирический характер сказок и политический смысл намеков. Даль попал под арест, сборник был конфискован и запрещен. Писатель мог дорого поплатиться, если бы не заступничество В. А. Жуковского, по личной просьбе которого Даль был освобожден из-под ареста.

---

[13] Майков Л. Н. Пушкин и Даль. — Русский вестник, 1890, № 10, с. 1—20.

[14] Даль В. И. Полн. собр. соч., т. IX. СПб. — М., 1895, с. 3. Далее ссылки на это издание даются в тексте, с указанием тома (римской цифрой) и страницы (арабской цифрой).

[15] Русский архив, 1886, № 11, с. 412.

ющих лиц, и в комментариях рассказчика к сюжетным ситуациям сказки. Склад народной речи в сказках обычно размеренный и нередко рифмованный: «Гни сказку готовую, как дугу черемховую! Эх, по всем по трем, коренной не тронь, а кроме коренной и нет ни одной!» («Сказка о воре и бурой корове» — IX, 299).

Современники с единодушным одобрением отзывались о языке сказок, но очень сдержанно отнеслись к их содержанию. С. П. Шевырев, М. А. Максимович рассматривали появление первых сказок Даля как значительное литературное явление, причисляли Даля к писателям, «возделывавшим народную устную стихию в русском языке».[18] О впечатлении, произведенном появлением далевских сказок, Тургенев писал в «Отечественных записках»: «Они обратили на себя всеобщее внимание читателей русским складом ума и речи, изумительным богатством чисто русских поговорок и оборотов. Нельзя было признать в них особенного художественного достоинства со стороны содержания, но своим неподдельным и свежим колоритом они резко отличались от пошлого балагурства непризнанных народных писателей».[19]

Сам Даль подчеркивал, что писал свои сказки ради демократизации литературного языка: «Не сказки сами по себе были мне важны, а русское слово, которое у нас в таком загоне».[20]

Балагурно-развлекательный, затейливый стиль сказок переходит в торжественный, когда повествуется о героическом прошлом, о героях русской старины. Иногда Даль прибегает к пародированию языковых штампов сентименталистов: «Он пал к ее ногам, сказался именем своим, поклялся в вечной и неизменной любви и испрашивал для себя посильной взаимности ее. Принцесса учинила ему сознание давно уже таившейся в ней взаимной страсти и пригласила его блаженствовать вместе с нею на острове вечного веселья» (IX, 266).

Все это дало повод упрекать Даля в искусственности, в подражании, с одной стороны, произведениям народного творчества, а с другой стороны, — «старинной манерности». Особенно резко критиковал стиль его сказок Л. Н. Майков: «Склад речи в Далевых „Сказках“, говоря его же словами, затейлив, непрост и даже кудряв. По большей части это особенная размеренная или рифмованная проза, притом обильно приправленная поговорками, присловиями и прибаутками, проза в конце концов столь же искусственная, однообразная и утомительная, как высокопарный слог старинных риторов<...>Короче говоря, своими „Сказками“ Даль показал, что он много наблюдал и изучал народную речь, но свободно владеть ею не умел».[21]

[18] Шевырев С. П. Взгляд на современную русскую литературу. — Москвитянин, 1842, № 3, с. 183.

[19] Отечественные записки, 1847, т. 50, № 1, отд. VI, с. 1—3.

[20] Даль В. Полтора слова о нынешнем русском языке. — Москвитянин, 1842, № 3, с. 549.

[21] Майков Л. Н. Пушкин и Даль. — Русский вестник, 1890, № 10, с. 7.

Даль понимал введение народного языка в литературу слишком буквально, что шло иногда в ущерб художественности содержания; на это ему и указывали современники. Сама попытка обрабатывать устные народные произведения казалась уже в те годы неприемлемой, поэтому В. Г. Белинский сурово отнесся к «Сказкам» Даля, не придав сначала большого значения его лингвистическим опытам.[22] А. С. Пушкин, которому Даль подарил свой «первый пяток», одобряя стремление Даля сблизить литературный язык с народным, подчеркнул необходимость шире понимать задачи литературы в решении этого вопроса: «Сказка сказкой, а язык наш сам по себе, и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать? Надо бы сделать, чтобы выучиться говорить и не в сказке».[23]

Новизна и сложность стилевой манеры Даля заслонили для современников другие особенности его сказок, что помешало полностью оценить их значение. В 1920-х годах советский исследователь В. А. Гофман проанализировал стилевые особенности созданного Далем фольклорного сказа и показал, что работа писателя была чрезвычайно сложной, а стиль «демонстративным, программным». Наряду с народной фразеологией он дает «утрированные шаблоны сентиментализма», противопоставляя в одной и той же сказке «штампы сентиментального стиля карамзинистов» устно-речевой стихии. Исследователь приходит к выводу, что сказка как жанр послужила Далю экраном для демонстрации различных форм поэтического языка, разных стилей, механически склеенных внутри одного произведения. При этом писатель своеобразно выпячивал типические признаки стилистических форм, благодаря чему его сказки принимали характер каталога «языковых» стилистических приемов. «В известном смысле Даля можно назвать литературным экспериментатором, и писательская фигура его именно поэтому очень характерна для 30-х и начала 40-х годов, эпохи напряженного строительства новой прозы».[24]

Объективную оценку сказки Даля получили в работе современной исследовательницы И. П. Лупановой. Она отметила, что стилевая манера Даля явилась одной из главных и специфических особенностей его метода обработки русского сказочного фольклора. В то же время «сказки Даля чрезвычайно любопытны с точки зрения своего идейного содержания, как один из первых в русской литературе действительно удачных опытов создания на основе народно-поэтических текстов литературной сказки-сатиры».[25]

---

[22] Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I. М., 1953, с. 153.

[23] См.: Майков В. В. Сказка о рыбаке и рыбке А. С. Пушкина и ее источники. СПб., 1892, с. 6.

[24] Гофман В. А. Фольклорный сказ Даля. — В кн.: Русская проза. Л., 1926, с. 251—259.

[25] Лупанова И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века, с. 360.

Демократический и сатирический характер содержания сказок, смысл заключающихся в них политических намеков оценили некоторые из современников Даля; «Особенно Пушкин был от них в восхищении», — писал в воспоминаниях о Дале П. И. Мельников.[26] Через год после появления «первого пятка» Пушкин, вернувшись из поездки в Оренбургский край, где он провел в обществе Даля пять дней, написал «Сказку о рыбаке и рыбке» и подарил ее Далю в рукописи с надписью: «Твоя от твоих! Сказочнику казаку Луганскому — сказочник Александр Пушкин». Эта надпись вызвала у исследователей различные толкования. Биограф Даля П. И. Мельников объяснял надпись так, что сказка написана Пушкиным под влиянием сказок Даля. Л. Н. Майков отвергал влияние Даля на Пушкина и считал, что «подарок, сделанный Пушкиным Далю, заключал в себе некоторый косвенный урок ему или, по крайней мере, наглядный пример того, как следует пересказывать народные сказки».[27] В. В. Майков предполагал, что основной сюжет «Сказки о рыбаке и рыбке» был сообщен Пушкину Далем и что именно в этом смысле и следует понимать надпись, сделанную Пушкиным.[28] И. П. Лупанова считает, что поэт, имея в виду сатирический характер сказок Даля, подарил ему свою сказку, также имеющую сатирическую направленность. Дело в данном случае, конечно, не в том, влиял ли Даль на Пушкина или Пушкин на Даля, а в общности тенденций того времени, в стремлении донести до читателя подлинный смысл и характер народных сказок, усилив в процессе литературной их переработки те черты, которые казались наиболее важными каждому из писателей. Метод обработки народных сказок, принятый Далем, отличался от блестящего творческого освоения их Пушкиным, который выразил наиболее характерные стороны заключавшейся в них народной идеологии, глубоко постиг особенности народно-сказочной формы. Он «украсил их блеском своего таланта, оставив неизменными их смысл и силу».[29]

Даль нашел свой метод обработки народного сказочного материала, который не противоречил пушкинскому, но был иным. Эту особенность сказочного творчества Даля понял и оценил позднее, в 1846 г., В. Г. Белинский: «‹...› сказки его — настоящие русские сказки ‹...› ибо он любит простого русского человека, на обиходном языке нашем называемого крестьянином и мужиком. И — боже мой — как хорошо он знает его натуру! Он умеет мыслить его головою, видеть его глазами, говорить его языком!».[30]

---

[26] Мельников П. И. Воспоминания о Дале. — Русский вестник, 1873, № 3, с. 298.

[27] Майков Л. Н. Пушкин и Даль, с. 15.

[28] Майков В. В. Сказка о рыбаке и рыбке А. С. Пушкина и ее источники, с. 10.

[29] Горький А. М. История русской литературы. М., 1939, с. 98—99.

[30] Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. X. М., 1955, с. 80—82.

В. И. Даль создавал также сказки, рассчитанные на детей. Часть из них вошла в детские издания XIX в. и пользуется успехом в наше время.[31] Незначительно переделывая сюжеты народных сказок, он излагал их простым, ясным, почти прозрачным по точности языком, сохраняя нередко ритмизованный склад народной речи («Лиса-лапотница», «Приведредница», «Настасья — золотая коса», «Про мышку-норушку», «Теремок», «Девочка-снегурочка», «Журавль и цапля» и др.). Сказки для детей, описания игр печатались в журнале «Семейные вечера» и сборниках «Картины из быта русских детей», «Первая первинка» и др.[32]

Обращение Даля к фольклору, его метод переработки фольклорных сюжетов, языковое и стилистическое новаторство, выразившееся в широком использовании народной фольклорной фразеологии, были, несмотря на известную натуралистичность такого типа фольклоризма, значительным литературным событием, которое заметили и в целом положительно оценили представители разных литературных направлений и течений. Писатель показал значение фольклора как стилеобразующего фактора.

Фольклоризм произведений Даля конца 1830-х—1840-х годов получает более сложный характер. Он еще шире привлекает всевозможные произведения фольклора и как источник сюжета, и как материал для характеристики своих героев и индивидуализации их речи, и особенно как средство художественной изобразительности в собственной авторской речи. Более сложным, прошедшим через писательскую лабораторию и переработанным в ней, представляется фольклоризм известных физиологических очерков Даля, которые Белинский назвал «перлами современной русской литературы»; по степени таланта, в них обнаруженного, критик ставил Даля на второе место после Гоголя. Даль, живя в Петербурге и занимаясь врачебной практикой, хорошо изучил жизнь «маленьких людей». Эти наблюдения пригодились ему для создания портретов дворника, денщика, писца, чиновника, петербургских немцев (колбасников и булочников), купцов, чухонцев и др. Его физиологические очерки отличаются широтой тематики и обилием подробностей, обстоятельно характеризующих и героя из простонародья, и среду: описываются и внешность, и жесты, и костюм, и привычки, и окружающие предметы, и быт среды в целом. Демократизм тематики также сближает Даля с Гоголем петербургского периода. Но Даль, по словам современного исследователя, «уже в 1830-е годы отличался от Гоголя более отчетливыми установками на этнографическую точность».[33]

Фольклоризм физиологических очерков заключается главным образом в использовании поговорок, пословиц и фразеологизмов,

---

[31] См., например: Даль В. И. Старик-годовик. М., 1966.

[32] Сергеева В. М. В. И. Даль как детский писатель. — В кн.: Материалы по истории русской детской литературы, вып. I. М., 1927.

[33] Цейтлин А. Г. Становление реализма в русской литературе. М., 1965, с. 142.

характерных для описываемой среды. Герои Даля — люди, в своем деле выдающиеся, исключительно трудолюбивые, добросовестно относящиеся к своей профессии, знающие все ее хитрости и тонкости и выработавшие в этом деле свою мудрость. Выдающейся личностью представлен уральский казак Маркиан Проклятов. Он «век на службе», потому что беден, а семья у него большая. Это казак «старинного закалу»: он и бывалый охотник, и отличный рыбак, и опытный солдат, и на море «как у себя дома». Во время зимнего багренья он просекает «в три маха двенадцативершковый лед, опускает шестисаженный багор, коего другой конец, перегибаясь через плечо, волочится по льду». Кроме того, Проклятов — «первый песенник» и «хороший плясун» (VII, 173, 174, 177).

Хорошо знает и добросовестно выполняет свое нелегкое дело и дворник Григорий: «До свету встань, двор убери, под воротами вымети, воды семей на десяток натаскай, дров в четвертый этаж за полтинник в месяц принеси <. . .> Там плитняк выскреби да вымети, да посыпь песком. Улицу вымети, сор убери» (III, 343). Денщик Яков тоже мастер на все руки: «Он чинил сапоги, латал платье, строгал, заклепывал, долбил, клеил и ладил все, что было нужно в походном хозяйстве» (III, 368).

Фольклорно-этнографическим материалом в физиологических очерках Даль пользуется более экономно. Фольклор здесь также один из источников авторской речи, средство для создания портрета героя и его развернутой характеристики. Широко привлекаются пословицы, поговорки и народные фразеологизмы, причем изредка автор, как и в сказках, сыплет их щедрой рукой, не заботясь о мере. Выносливость уральского казака рисуется типичными для самого героя пословично-фразеологическими оборотами: «Жару не боится потому, что пар костей не ломит; воды, сырости, дождя не боится потому, как говорит, что сызмала в мокрой работе по рыбному промыслу приобык; что Урал — золотое дно, серебряна покрышка — кормит и одевает его» (VII, 174). Для характеристики мировоззрения героя и его среды привлекаются суеверия и приметы, перешедшие в обычаи предрассудки. Жена Маркиана «за хлеб-соль ни с кого ни за что не взяла бы платы, потому что это смертный грех; но посуды своей она „скобленому рылу“ не подала бы также ни за что» (VII, 184). Веру в сверхъестественное Маркиан обнаруживает в рассказе о русалке, о «шутовке», в боязни божиться. Следование традициям отцов и дедов раскрывается и в обычае уральских старообрядцев давать имена детям в строгом соответствии с церковным календарем.

Даль любит подчеркнуть, что его герои из народа добросердечны, трудолюбивы, простодушны, ценят и любят всякую полезную «живность». Маркиан готов был «приколоть на месте всякого, кто во время ходу рыбы осмелился бы напоить скот из Урала. „Рыба — тот же зверь, — говорит старик с ожесточением, — шуму и людей боится“» (VII, 178—179). Денщик Яков «дружился с каждой собакой, как только шагнет на двор. „Отчего, Яков, на

тебя и собаки не лают?“ — спрашивали у него, бывало, и он отвечал, смотря по расположению своему: „Они мне все свои, я всех их знаю“» (III, 366).

Характеры людей в физиологических очерках Даля статичны. Свойственный писателю юмор мягок и добродушен. В изображении людей нет той острой социальной направленности и сатирической манеры, которые были в сказках. Показывая своих героев во всех жизненных отношениях и ситуациях, Даль использует фольклорно-этнографический материал, раскрывающий особенности определенной социальной среды. Так, в рассказе «Денщик» читатель найдет целую сводку солдатских примет, примет, предсказывающих погоду, и т. д. Полное представление о солдатских письмах, их особом «жанре», можно получить из этого же рассказа. Из-за безграмотности большинства солдат письма заказывались «отъявленным писакам»; они разделялись «по цене на два-три разряда, смотря по тому, полные или неполные посылаются поклоны»; число же поклонов и обращений зависело от количества родни.

Знание изображаемой среды, быта, нравов, поверий, особенностей речи, даже тонкостей ремесла было редкостью не только в современной Далю литературе, но и значительно позднее. В этом умении «знакомить русских с родной Русью» Даль не имел соперников. Именно это достоинство его произведений неоднократно и настойчиво подчеркивал Белинский: «В физиологических очерках Даль является уже не просто бывалым, умным, наблюдательным человеком, но еще и художником <...> Г-н Даль — это живая статистика живого русского народонаселения <...> Он долго и с участием изучал русский быт, русские нравы <...> Иначе изображения дворника, денщика и купцов с купчихами <...> не поражали бы своей живой, внутренней верностью, не врезывались бы навсегда и так глубоко в память того, кто прочел их раз <...> Их можно не только читать, но и перечитывать, и каждый раз будут они казаться все лучше и лучше».[34]

В 1840-е годы Даль создал несколько бытоописательных повестей. В них рисуются более широкие полотна действительности, нежели в физиологических очерках. Повести характеризуются стремлением создать цельные, яркие, типические характеры. Изменяется и социальный тип, избирается другая социальная среда. Писатель обращается к изображению уездного дворянства, чиновничества, купечества. Он показал тип самодура и в купеческой («Отец и сын», «Колбасники и бородачи»), и в помещичьей среде («Небывалое в былом», «Генеральша», «Старина», «Самородок»), предвосхитив многие образы произведений Островского. Черты обломовщины («Павел Алексеевич Игривый»), сходство с некоторыми гоголевскими героями (Маниловым, Костанжогло) и даже сюжет «Мертвых душ» читатель находит в повести «Вакх Сидо-

---

[34] Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 82.

рович Чайкин»; здесь же сатирически изображается уездное дворянство, невежественное, бездельничающее, опустошившееся. Даль показывает в повестях различные типы авантюристов и картежников (Ахтубинцев — «Небывалое в былом», француз — «Находчивое поколение», Куренев — «Степнячок» и др.). Характерны в произведениях Даля не отличаются глубиной психологического анализа и показаны, скорее, с внешней стороны. Но в то же время в его повестях правдиво изображается крепостная действительность 1840-х годов. В них есть немало сцен, обличающих злоупотребления чиновничьей бюрократии. Таков эпизод с землемером, Вакхом Сидоровичем Чайкиным, который ездит по деревням с огромным обозом, куда складывает продукты, полученные от крестьян в виде взяток. Землемер возит с собой ораву нахлебников, которых содержит также за счет крестьян. Аналогичен эпизод с фельдшером, использующим оспопрививание, чтобы до трех раз и больше получать с крестьян откупное. Обличительные и сатирические ноты звучат и в некоторых произведениях 1850-х годов. Так, например, в рассказе «Хлебное дельце» показано хищничество чиновников полицейского участка, когда из пустякового юридического нарушения раздувается бесконечный процесс с выжиманием взяток. Бессмысленный формализм чиновничьей бюрократии высмеян Далем в рассказе «Двухаршинный нос» (ямщику дорого обошлась ошибка хмельного писаря, указавшего в его паспорте в качестве приметы двухаршинный нос вместо роста).

Писатель стремился к объективному показу положения крестьян, вынужденных платить немалые оброки, «подушное» и выполнять разные поручения помещика. Бесправие и нищета, грозящая *разорением, вынуждают иногда* крестьян на преступление («Грех»). Даль обычно приводит подлинные факты и точные данные о положении народа, почему его этнографизм и носит почти документальный характер, а приводимые сведения получают особую убедительность. Так, в рассказе «Двухаршинный нос» исповедь ямщика содержит конкретные примеры жестокой эксплуатации крестьянства. Кроме оброка в 150 рублей (или 45 целковых серебром), помещик требует от крестьянина «три дня работы с сохой, три дня жать, три дня косить, три дня сено грести да хлеб перевозить на барское гумно, да три дня молотьбы, да опять хлеб в город свозить — ну, да еще зимой двенадцать возов дров привезти из лесу, да десять рублей караульных на усадьбу, за сторожей; а там казенное подушное внеси, да и ступай куда хочешь» (V, 277). Лугов крестьяне не имеют, земли мало, дрова дороги. Иронически звучат после всего этого слова, которыми извозчик заканчивает свою речь: «Бога гневить нечего, жить можно».

В повести «Вакх Сидорович Чайкин» автор говорит, что нововведения помещика лишь на словах направлены к улучшению положения крестьян: «...а поглядишь на деле, бестолочь такая же, как и всюду: та же бессмертная овца, те же <...> самосидные яйца, утиральники и пени с новоженцев» (III, 5—6). Все эти понятия,

порожденные крепостным бытом, не всякому читателю понятны. В примечании Даль поясняет: «Бессмертный баран или овца дается молодому крестьянину, когда его женят, на обзаведение хозяйством; крестьянин обязан прокормить эту даровую овцу и подносить барину каждогодно по ягненку; жива ли, нет ли овца, никто не спрашивает; она числится бессмертною <. . .> Самосидные яйца раздаются по паре во все крестьянские дворы, и бабы обязаны высидеть и представить за них цыплят. Шитые утиральники и по десяти рублей собираются со всех новоженцов в пользу господ, когда молодым дается позволение вступить в брак». Даль заканчивает пояснение горько-ироническим замечанием: «Все очень полезные и крайне хозяйственные заведения» (III, 6). Трудно согласиться с некоторыми критиками, утверждавшими, что писатель не отразил в своем творчестве крепостного положения крестьян. Хотя Даль и не концентрировал на крепостнических отношениях преимущественно своего внимания, собранный им огромный фактический материал объективно способствовал обличению крепостного права.

В произведениях Даля, как уже говорилось, привлекается подлинный крестьянский фольклор. В повести «Павел Алексеевич Игривый» создан убедительный образ крепостного сказочника Меледы, убаюкивающего барина перед сном своими сказками.

Живой образ помещика Гонобобеля создается средствами народных шуток и анекдотов: «Кричал, и хохотал, и бесновался, и показывал всем людям, что барыня взяла с собою на дорогу козла в мешке, и заставлял всякого ощупывать рога и велел его выкинуть вон, и оказалось, что это был вовсе не козел с рогами, а кисеты с табаком и запасными трубками самого Ивана Павловича» (I, 16).

Особенно широко в повестях 1840-х годов пользуется Даль пословицами, превращая их в средство художественной изобразительности, нередко заменяя ими психологическую характеристику героя, давая с их помощью оценку его действиям и поступкам. Так, например, пословицами выражено недовольство купца Гребнева сыном: «Сын-то мой, да ум-то свой», «за перо — не мы, за счеты — не мы; а попеть да поплясать — против нас не сыскать» («Отец с сыном» — I, 140).

Пословицами пересыпана и речь автора: «Жена мужа не бьет, а под свой норов ведет», и др.

Даль использовал и в речи героев-рассказчиков, и в своей собственной лексику и фразеологию народных сказок, песен и былин. Иногда он сознательно прибегает к имитации сказки: «Иван, крестьянский сын, поди на белы руки мои, под шелковы кудри мои, вот тебе дорогой подарочек: заветный золот перстень, алый шелковый плат да серебряна опоясочка» («Варнак» — V, 72). Эта особенность писательской манеры Даля нашла впоследствии дальнейшее развитие и воплощение в романах П. И. Мельникова-Печерского.

Даль искал средств обновления современного ему литературного языка не только в живой разговорной речи народа, но прежде всего в устной его поэзии. Поэтому обращение к народно-поэтическому языку и синтаксису в произведениях Даля 1840-х годов носило программный характер. Песенные элементы рассыпаны в языке его повестей рядом с пословицами: «Евсей <...> приклонил головушку на правую сторонушку <...> и сидел тише воды, ниже травы» (первая часть фразы представляет буквальное заимствование строки из известной свадебной песни «Долина-долинушка», вторая — известное присловие).

Найдя в песне выражение, типизирующее распространенное явление быта, Даль использует его в своей речи, употребляя в различных произведениях. В ряде его рассказов встречается выражение «утопить девушку за пьяницей» («Заумаркина могила», «Отставной»). Происхождение этого выражения выясняется в рассказе «Невеста с площади»: «Подруги Дарьи не шутя плакали и причитали по невесте <...> и до трех раз принимались петь: „Утопили же твою головушку за водопьяницей“» (V, 120). Источником образности авторской речи в данном случае явилось свадебное причитание.

Нередки в рассказах Даля и притчи, прибаутки, анекдоты, использующиеся не только как основа сюжета (эта особенность сближает Даля с Лесковым), но и как изобразительные средства в речи автора и отдельных персонажей. «Корней Власович <...> рассуждая о том, что <...> русский человек бывает крепок задним умом, прибавил еще к этому вот что: мужик видел во сне горячий кисель, да не случилось ложки, нечем было похлебать; на другую ночь мужик догадался, лег спать да взял с собою ложку, так уж не видал киселя» («Бедовик» — III, 182). Иногда подобные притчи и прибаутки вводятся в повествование несколько насильственно, за ними видно желание лишний раз продемонстрировать знание фольклора. Неумеренность в использовании устнопоэтической образности не раз вела к обвинению Даля в балагурстве.

Однако Даль постепенно вырастал как интересный писатель. Под его пером создавались произведения, вошедшие в золотой фонд русской классической литературы. В 1857 г. Герцен подчеркивал обличительный характер произведений Даля: «Одним из первых бесстрашных охотников, который, не боясь ни грязи, ни смрада, отточенным пером стал преследовать свою дичь вплоть до канцелярий и трактиров, среди попов и городовых, был Казак Луганский (псевдоним г. Даля). Будучи врачом, он исколесил всю Россию, затем служил в Оренбурге на Урале, долгое время работал в министерстве внутренних дел, — все видел, за всем наблюдал и рассказывал об этом с лукавством и своеобразием, а временами — с незаурядным комическим даром».[35]

---

[35] Герцен А. И. Собр. соч. в 30 томах, т. XIII. М., 1958, с. 174.

Белинский, несмотря на свое критическое отношение к славянофильским увлечениям Даля, в общем с одобрением отзывался о его произведениях из народной жизни. Он ценил Даля за объективное, а не идеализированное изображение русского крестьянства. Об очерке «Русский мужик» он писал: «Статья Луганского „Русский мужик", явившаяся в третьей части „Новоселья", исполнена глубокого значения, отличается необыкновенным мастерством изложения и вообще принадлежит к лучшим физиологическим очеркам этого писателя, которого необыкновенный талант не имеет себе соперников в этом роде литературы».[36] Так же высоко ценил Даля и Гоголь. В 1846 г. он писал: «По мне, он значительней всех повествователей-изобретателей. Может быть, я сужу здесь пристрастно, потому что писатель этот более других угодил личности моего собственного вкуса и сообразно моих собственных требований, каждая его строчка меня учит и вразумляет, подвигая ближе к познанию народной жизни».[37]

Используя фольклорные сюжеты, этнографически точные записи народных преданий, Даль пересказывает их, стремясь сохранить в содержании народный взгляд на мир, показать веру в таинственные силы и сверхъестественные явления природы. К такого рода литературно изложенным народным преданиям и поверьям относятся «Авсень», «Сказка о кладе», «Упырь», из уральских — «Полунощник», «Башкирская русалка», «Заумаркина могила» и др. Источником фольклоризма этих произведений является хорошее знание автором устной народной прозы того времени: преданий, поверий, легенд. Изложение сюжета Даль сопровождает, как и в сказках, этнографическими зарисовками быта крестьян (девичьи вечерницы на Украине («Упырь»); обычай уральских казачек ходить на синчик — молодой лед, чтобы кататься, играть и бегать («Уральский казак»); свадебные обычаи («Полунощник»); гадания в Васильев вечер с подробным описанием исполнения подблюдных песен, которые «пророчили будущее большей частью с намеками на настоящее» («Авсень») и т. д.). В этих рассказах во всей полноте проявилось увлечение Даля фольклорно-этнографической и поэтической стороной жизни крестьян. Даль по-прежнему использовал в своих произведениях народные анекдоты, бывальщины, народные обычаи, песни, поговорки, пословицы и притчи — или как основу сюжета, или как побочный мотив в ходе повествования. Так, в основу сюжета рассказа «Невеста с площади» положен старинный народный обычай брать невесту «из-под кнута», чтобы избавить девушку от жестокого наказания. В рассказе «Ключ, лад и строй песни» рисуется сцена исполнения старинных песен по просьбе проезжего и приводятся самые тексты их (о татарском полоне и о сестре, находя-

---

[36] Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 43; ср. также с. 409, 434.

[37] Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. VIII. М., 1952, с. 424.

щейся в плену у братьев-разбойников); содержание рассказа должно было служить художественной иллюстрацией к пословице «сказка — складка, а песня — быль».[38]

Некоторые рассказы Даля имеют подзаголовки, указывающие на устный источник сюжета: «Вор (бывальщина)», «Цыган (пустобайка)», «Послух (предание)», «Рассказ Верхоланцева о Пугачеве» и др. Однако читатель и без этих указаний уже по одному содержанию мог установить устные, фольклорные источники сюжета: в рассказах «Кружевница», «Колдунья» автор передает «бывальщину» устами рассказчика из народа; очерк «Медведи» представляет несколько народных рассказов об ученых медведях; в очерке «Рогатина» ясно сказывается влияние устных рассказов об охоте на медведей. Значительное число очерков представляет художественно переработанные устные бытовые рассказы о воровстве («Подполье», «Ворожея», «Находка»), легенды о различных соблазнах, подстерегающих человека («Грех», «Искушение»); некоторые из рассказов близки по содержанию к народным легендам, занимающим значительное место в фольклорном репертуаре крестьянства прошлого века («Послух», «Архистратиг») и т. д.

Используя устный источник как основу сюжета, Даль насыщал содержание этнографическими деталями, описаниями обычаев, ремесел, характерных для тех или иных русских губерний. Так, он описал обучение медведей в Сергачском уезде Нижегородской губернии и в Сморгонах в Белоруссии («Медведи»), все тонкости охоты на волков в Оренбургском крае («Охота на волков») и т. д.

Рассказы этого рода составляют значительную часть творческого наследия В. И. Даля. В них наиболее полно проявились типические черты его фольклоризма. Благодаря своей подлинности они содержат чрезвычайно ценный для фольклориста и этнографа материал, интересный и для истории фольклора, и для читателя, желающего иметь представление о народном быте первой половины XIX в. Живые и интересные сцены, лиризм в описаниях поэтических сторон народной жизни, насыщенность мало кому известным бытовым и этнографическим материалом в изображении русских деревень, крестьянского хозяйства, одежды — все это было ново и интересно.

Однако этот тип фольклоризма в произведениях Даля представляет своего рода фольклорный натурализм, он ближе к творческому методу романтиков и уступает реалистическому показу бытования подлинного фольклора (см., например, «Певцы» Тургенева).

В рассказах и повестях Даля на казахские и уральские темы ощущается обстоятельное знакомство с местным казачьим и другим национальным фольклором. В рассказе «Башкирская ру-

---

[38] Подробнее о рассказе см.: Соймонов А. Д. П. В. Киреевский и его собрание народных песен. Л., 1971, с. 332.

салка» отразились степные предания о «чертовых» городищах и пещерах, да и сам сюжет имеет сказочный источник. Рассказы русских пленных и торговцев, посещавших Бухару, Хиву, Ташкент, Коканд, использованы в рассказах «Осколок льду», «Рассказ пленника Федора Федоровича Грушина», «Рассказ об осаде крепости Герата». Башкирское пение охарактеризовано в рассказе «Обмиранье». В Оренбургском крае Даль провел лучшие годы своей жизни, здесь разносторонность его интересов проявилась и в изучении края, и в собирательской и литературной деятельности. Позднейшие этнографы-исследователи Оренбургского края до сих пор пользуются трудами Даля как первоисточником.[39] С Даля начинается и история казахской литературы и собирания казахского фольклора в XIX в.

В. И. Даль явился первым создателем книг для народа. В 1839 г. вышла написанная им для солдат книга «Солдатские досуги». Ее составили небольшие рассказы, изложенные простым народным языком, написанные с учетом интересов, психологии и военного опыта солдат. Книга содержала материалы для занимательного и общеобразовательного чтения: рассказы, передающие практический опыт военной службы, исторические рассказы («Петр I под Полтавой», «Ответ русского генерала» и др.), популярное изложение научных сведений о мире и человеке («Земля», «Что такое отчизна», «Жизнь и здоровье»), нравоучительные рассказы и притчи («Честь и бесчестье», «Притча о дубовой бочке» и др.), рассказы о невежестве и предрассудках («Знахарство и заговоры», «Ворожейка» и др.), исторические и военные анекдоты, перемежающиеся подборками пословиц, поговорок, загадок. Даль использовал собственные наблюдения и сведения, записанные от солдат во время его службы мичманом и военным врачом. Книга учит солдата быть находчивым и самоотверженным, бдительным и беспощадным в схватках с врагом, учит любить, беречь и защищать отчизну. Хотя в понятие патриотизма включались также верность престолу и царю, эта тенденция не являлась ведущей, окрашивая лишь отдельные рассказы книги. По сравнению с книгами для солдат генерала Скобелева, проникнутыми религиозно-монархическим духом и фальшивыми по содержанию, «Солдатские досуги» Даля в целом характеризовались правдивым изображением жизни русского солдата.[40]

В 1853 г. появился второй сборник такого же типа — «Матросские досуги», вдвое превосходящий первый по объему. Сборник

---

[39] Модестов Н. Н. В. И. Даль в Оренбурге. — Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. XXVII, Оренбург, 1913, с. 55—57.

[40] Вслед за Далем В. Ф. Одоевский и А. П. Заблоцкий издавали в 1843—1848 гг. сборники для крестьян — «Сельское чтение». Даль поместил в них свои рассказы. В. Г. Белинский горячо приветствовал и одобрял каждое издание сборника (см.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VI. М., 1955, с. 681—689; т. VIII, 1955, с. 295; т. IX, 1955, с. 65—66; т. X, 1956, с. 365—372; т. XII, 1956, с.491).

был составлен по поручению Главного морского штаба, для него специально была организована запись матросских рассказов, песен, поговорок и загадок.[41] Даль получал множество писем и бандеролей с описаниями морских сражений, замечательных случаев из истории флота и пр. Он производил строгий и тщательный отбор материала.[42]

В книге наряду с историческими рассказами о создании русского флота, об известных морских сражениях («Первая победа на Балтийском море», «Сражение при Гренгаме», «Чесменское сражение» и др.) и научно-познавательными популярными очерками («Вселенная», «Воздушный шар» и т. п.) богато представлены образцы фольклорной прозы: исторические предания, военные и бытовые анекдоты, бывальщины, пословицы, поговорки, загадки. Особый интерес представляют собранные в книге рассказы, предания и анекдоты о Петре I как создателе русского флота («Блины», «Холмогорские горшки», «Царь-адмирал», «Пророчество» и др.). Используя свои и разных лиц записи, Даль не изменял их содержания, позволяя себе в основном редакторскую правку, иногда включая в повествование пословицы и поговорки. Незначительный налет искусственности придают языку его рассказов демонстративно-программные замены иностранных терминов, вошедших в литературный обиход, словами, услышанными в разговорой речи или, возможно, придуманными им самим (так, вместо слова «инстинкт» он дает «побудка», вместо «архипелаг» — «островитое море»; в записи Семенова — «тендер NN», у Даля — «тендер „Безименка“» и пр.). Стремясь к сближению литературного языка с народным, Даль столь же демонстративно использует элементы просторечия (так, в рассказе о ките он пишет: «Глаза у него небольшие, мало чем больше коровьих; вместо ноздрей дыхала на лбу или темени, поэтому кит, задремав на воде и опустив рыло в воду, дышит свободно»).[43] Передовые журналы того времени — «Современник», «Отечественные записки», «Морской сборник» — с одобрением отмечали, что книга интересна не только для моряков, но и для широкого читателя.

В целом критика 1840—1850-х годов, несмотря на разницу взглядов и позиций, положительно оценивала произведения Даля. Противоречивость творческих установок писателя приводила к тому, что критики разных направлений могли найти в его произ-

---

[41] История создания книги дана в статье: Шаповалова Г. Г. Опыт создания первых книг для народа. (Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии), вып. 2. М., 1963, с. 58—70.

[42] В архиве В. И. Даля сохранились некоторые рассказы с сопроводительными к ним письмами: «Три случая из жизни моряка» капитан-лейтенанта Владимира Гильдебрандта, рассказ полковника Семенова (опубликован Г. Г. Шаповаловой в названной статье), записи матросских песен и народной драмы «Лодка», сделанные В. А. Римским-Корсаковым, лейтенантом флота и старшим братом композитора. В книгу из перечисленных материалов вошел лишь рассказ Семенова под названием «Тендер „Отвага“».

[43] Даль В. И. Матросские досуги. СПб., 1853, с. 213 («Кит»).

ведениях трактовки, вполне отвечающие их взглядам. Реакционная газета «Северная пчела» восхищалась очерком Даля «Русский мужик», где автор, по ее мнению, показал «леность, неповоротливость и невежество православных мужичков».[44] Белинский же хвалил очерк за глубокое знание фактов. Положительная оценка со стороны противоположных направлений русской критики свидетельствует, что уже в 1840-е годы в произведениях Даля сосуществовали противоположные тенденции. Консервативность взглядов писателя вступала в противоречие с демократизмом его тематики и с присущим писателю гуманизмом в отношении к народу.

Если в 1840-х годах Даль принадлежал к талантливым представителям натуральной школы и Белинский мог сказать, что «после Гоголя это до сих пор решительно первый талант в русской литературе», то в конце 1850-х годов писатель оказался несколько в стороне от реалистического направления. Постепенный отход на консервативные позиции, происшедший во взглядах Даля, связан в известной мере с обстоятельствами его биографии. С 1841 по 1848 г. он служил по ведомству уделов под начальством Л. А. Перовского, известного либеральными взглядами. Даль занимался вопросами улучшения быта помещичьих крестьян в связи с подготовкой реформы об отмене крепостного права. Революция 1848 г. в Европе, напугавшая Николая I и правящие круги, положила конец подготовке реформы. Л. А. Перовский оказался в немилости, а Даль вынужден был сжечь все свои дневники, записи многих лет и документы со сведениями о положении крестьян. Он переехал в Нижний Новгород. Этот период его жизни характерен выступлением в печати с «Письмом к издателю А. И. Кошелеву», получившим громкую и печальную известность. В нем писатель, всегда искренне озабоченный положением народа, неудачно противопоставил вопрос образования народа проблеме его нравственности и «обнаружил в себе упорного врага крестьянской грамотности».[44]

В творчестве Даля конца 1850-х годов обнаружились черты политического консерватизма, отчетливо ощущается идеализация с помощью средств фольклора патриархальных черт быта и взглядов народа. Покорность, кроткое смирение, почтительность и богобоязненность показываются как органические свойства народного характера («Отставной»). Писатель не вникает в причины, повлиявшие на формирование этих свойств, явившихся результатом многовекового угнетенного положения крестьянства. В творчестве Даля, отразившем многообразный фольклорный репертуар крестьянства первой половины XIX в., сознательно не затрагиваются произведения фольклора, сохранившие отклики на социальные противоречия эпохи и народные движения протеста. Это резко отличает произведения Даля от произведений на крестьянскую тему других писателей, его современников: Григоровича, Тургенева, Герцена,

---

[44] Добролюбов Н. А. Собр. соч., т. II. М.—Л., 1962, с. 204.

Салтыкова-Щедрина. На проявления социального протеста он смотрит глазами пассивно настроенных крестьян. Солдат, бежавший с военной службы и разбойничавший в одиночку, изображен как закоренелый враг крестьянского мира, злодей для своих односельчан. Писатель оправдывает его убийство, совершенное родным отцом («Бог и царь простили старика, и мир оправдал» — VIII, 17). Герой рассказа «Подполье» Мокрецов, много раз убегавший с каторги, отличавшийся необыкновенным ростом, силой, бывший в прошлом талантливым музыкантом, отважный и находчивый, изображен как опасный для общества элемент. Рассказывая его биографию, автор не останавливается на причинах, толкнувших его на путь воровства и разбоя.

Образы бунтарей и бродяг в фольклоре овеяны романтикой народных преданий и песен; в песнях подчеркиваются социальные причины, толкающие человека на разбой («На обед хлеба-соли нет; нет ни хлеба, нет ни соли, нет ни кислых щей»). Даль же иногда изображает воровство, бродяжничество и разбои как проявление врожденных отрицательных черт характера. Как и в лучших произведениях 1840-х—начала 1850-х годов, Даль широко использует народную прозу. Фольклорные сюжеты составляют основу большей части его рассказов, опубликованных в двухтомном издании «Картины из русского быта» (СПб., 1861). Чаще это простой пересказ народных анекдотов («Рукавички», «Об очках»), сопровождаемый морализированием. Гуманные и демократические устремления ощущаются и в рассказах этих лет, но они уже не отвечали запросам времени. То, что звучало демократично в эпоху Белинского, уже устарело в преддверии 1860-х годов — в эпоху Чернышевского. Наличие славянофильских тенденций в творчестве Даля заставляло относиться настороженно к его творчеству в 1860-е годы. Это предопределило хорошо известный резкий отзыв Чернышевского о «Картинах русского быта».[45]

Однако Далю были присущи глубокий патриотизм и искренняя любовь к народу, стремление быть ему полезным, что выразилось в собирательской деятельности писателя. В 1850-е годы Даль много сил и труда положил на подготовку сборника пословиц и борьбу с цензурой за его появление в печати, а также на завершение монументального труда всей своей жизни — «Толкового словаря живого великорусского языка». Он остается непревзойденным знатоком устной народной поэзии и быта. Чернышевский, в полемическом негодовании зачеркнувший все его прошлые заслуги, признавал, что «г. Даль знает десятки тысяч анекдотов из простонародной жизни, собрал чуть ли не 50 тысяч русских пословиц и чуть ли не полмиллиона слов и оборотов простонародной речи».[46]

---

[45] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1950, с. 983—986.

[46] Там же, с. 983.

Критик чутко уловил зависимость содержания «Картин русского быта» от прозаического фольклора. По его словам, Даль не написал, а «собрал теперь целую сотню коротеньких рассказов».

За достоверность, богатство и подлинность фактов ценил Даля А. М. Горький: «Его очерки — простые описания натуры такою, какова она есть. Эти очерки имеют огромную ценность правдивых исторических документов, и если бы мы захотели детально изучать жизнь крестьян 40-х—50-х годов — для этой цели сочинения Даля — единственный и бесспорный материал».[47]

Фольклоризм Даля принадлежит к сложным явлениям литературы. Он по-далевски энциклопедичен и противоречив. Как собиратель фольклора, создатель «Толкового словаря» и сборника пословиц, Даль внес ценнейший вклад в национальное достояние русской культуры. Он впервые широко использовал в своем творчестве все многообразие фольклорных жанров, предпочитая среди них устную народную прозу, в особенности устный рассказ, бывальщину, анекдот. Это сближает Даля с Лесковым. Даль первый ввел в литературу жанр сказа, создал тип народного сказочника, и в этом плане его можно сравнивать с Гоголем 1830-х годов. Произведения Даля явились стимулом для развития творческих талантов, сыгравших существенную роль в истории русской литературы. Не случайно А. М. Горький указывал, что «такая фигура, как Даль, много раз повторится в русской литературе» и что «Решетников, Г. Успенский, Наумов, Нефедов имеют немало общего с ним как в манере писать, так и в отношении к материалу».[48] Такая сторона фольклоризма Даля, как демократизация средствами фольклора содержания и языка своих рассказов, нашла дальнейшее развитие в творчестве писателей-этнографов революционно-демократического лагеря: П. И. Якушкина, Н. Успенского, В. А. Слепцова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и др. В общем фольклорно-литературном процессе Далю принадлежит одно из почетных мест.[49]

Литературное наследие Даля имеет первостепенное значение для фольклориста и этнографа как источник исследования фольклорных сюжетов, известных в первой половине XIX в. Проблема использования фольклора в произведениях Даля не решена полностью. Архив его погиб во время пожара еще при жизни писателя в Нижнем Новгороде. Однако частично сохранившиеся (в разных архивохранилищах страны) отдельные материалы показывают, что Даль, стремясь к полноте при собирании материалов, не искажал их при записи, проявляя глубокое уважение к слову и мысли народа. Используя элементы фольклора как

---

[47] Горький А. М. История русской литературы. М., 1959, с. 187—188.

[48] Там же, с. 188.

[49] См. также: Канкава М. В. О влиянии В. И. Даля на стиль писателей этнографической школы. — В кн.: Поэтика и стилистика русской литературы. Сб. «Памяти В. В. Виноградова». Л., 1971, с. 174—180.

стилеобразующее средство, он стремился сохранять их в той форме, в какой они были записаны. При использовании фольклорных сюжетов Даль подвергал их литературно-языковой обработке, не изменяя основного содержания.

Говоря о значении фольклора в творчестве Даля, необходимо отметить, что его произведения в свою очередь глубоко проникали в народный быт и находили отражение в народном творчестве.

Д. В. ГРИГОРОВИЧ

Стремление к тщательному изучению явлений русской жизни сближало творчество писателей натуральной школы с наукой того времени, изучавшей различные стороны жизни общества: с экономикой, социологией, этнографией, статистикой. В области литературы укрепление нового направления привело к развитию прозаических жанров и постепенной трансформации и вытеснению ранее сложившихся литературных форм.

Говоря о роли народной поэзии в литературе второй половины 1840-х годов, прежде всего следует иметь в виду жанр очерка и рассказа. Привлечение народного творчества и этнографических сведений писателями нового направления связано было с их стремлением полнее представить жизнь русского крестьянства и городского мещанства, показать характеры людей из народа. Возражая противникам натуральной школы, В. Г. Белинский выступил в защиту нового направления, подчеркнув его необходимость и своеобразие: «... старая пиитика, — писал он, — позволяет изображать, пожалуй, и мужиков, но не иначе, как одетых в театральные костюмы, обнаруживающих чувства и понятия, чуждые их быту <...> и объясняющихся таким языком, которым никто не говорит, а тем менее крестьяне <...> пастушки и пастушки французских писателей XVIII века представляют готовый и прекрасный образец для изображения русских крестьян и крестьянок».[1] Иронизируя по поводу атрибутов типов пасторальных крестьян (соломенные шляпы с голубыми и розовыми лентами, пудра, мушки, фижмы, корсеты, башмаки на высоких красных каблуках и т. п.), сочетавшихся в русской литературе минувшего периода с обветшалыми старославянизмами, критик защищал право писателей нового направления показать деревню без прикрас, говорил о необходимости и возможности увидеть в мужике человека с умом, сердцем, страстями, склонностями, которыми щедро одарила его природа. Новые принципы изображения деревни различал Белинский в очерках, повестях и рассказах из народного быта Д. В. Григоровича и И. С. Тургенева, которые получили в той же статье его высокую оценку.

---

[1] Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. X. М., 1956, с. 296.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (*Ф. Я. Прийма*) 3

I. Проблема национальной самобытности в русской литературе первой четверти XIX в. (эпоха становления романтизма) (*А. В. Архипова*) 30

II. Литература второй половины 1820-х—1830-х годов и фольклор (*Р. В. Иезуитова*) 85

III. А. С. Пушкин (*А. Д. Соймонов*) 143

IV. М. Ю. Лермонтов (*В. Э. Вацуро*) 210

V. Н. В. Гоголь (*В. И. Еремина*) 249

VI. А. В. Кольцов (*Ю. В. Стенник*) 292

VII. Писатели натуральной школы: 334

В. И. Даль (*З. И. Власова*) 338
Д. В. Григорович (*И. М. Колесницкая*) 360
И. С. Тургенев (*Ф. Я. Прийма*) 366
А. Ф. Писемский (*З. И. Власова*) 384

VIII. Роль фольклора в развитии русской драмы (*Л. В. Черных*) . . . 407

Именной указатель 447